

О НАУКЕ ЯЗЫКОМ НАУКИ, или КАК НЕ НАДО ПИСАТЬ НАУЧНЫЕ СТАТЬИ (ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АВТОРАМ ЖУРНАЛА «РАСТИТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ»)

ABOUT SCIENCE BY THE LANGUAGE OF SCIENCE, OR HOW NOT TO WRITE SCIENTIFIC PAPERS
(AN OPEN LETTER TO THE AUTHORS OF THE JOURNAL «VEGETATION OF RUSSIA»)

© Н. В. МАТВЕЕВА
N. V. MATVEYEVA

Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН. 197376, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 2.
E-mail: nadya_mat@mail.ru

Ключевые слова: научные публикации, канцелярско-бюрократический стиль, небрежность в изложении, редактирование, язык науки.

Key words: scientific papers, bureaucratic style, negligence in presentation, editing, language of science.

За 15 лет чтения, редактирования и подготовки к публикации статей в нашем журнале «Растительность России» потихоньку накопились те замечания, которые приходилось делать неоднократно. Сегодняшнее открытое письмо авторам можно было бы назвать и так: «Заметки на полях». Они в режиме редактирования были доведены до сведения каждого автора, которым не повезло (а может быть, все-таки повезло) попасть в мои руки. Постепенно стало очевидным, что кроме индивидуальных погрешностей в оформлении статей, имеется большое (огромное!) число ошибок, недочетов, неудачных выражений, переходящих из одной работы в другую. Это и стало поводом для создания настоящего послания в надежде, что авторы согласятся, что о науке нужно (и можно!) писать не просто языком науки, но и хорошим русским языком.

Замечания сгруппированы тематически. Какие-то из них можно назвать технологическими (про географические названия, про сокращения и аббревиатуры), какие-то — стилистическими (частые повторы слов, излишняя сложность в изложении). Однако большая их часть — результат небрежного отношения к собственному тексту, нежелания потратить время, чтобы прочесть то, что написано, и подумать, те ли слова использованы, чтобы отразить суть вопросов, обсуждаемых в работе.

Начну с самого простого и понятного и одновременно самого распространенного в статьях не только нашего журнала, но и многих других, для

которых приходилось писать рецензии, а заодно и вносить редакторскую правку.

Повторы слов. Первое, что просто обязан сделать сам автор, это — снизить повторы одних и тех же слов и тем более словосочетаний, как в непосредственной близости, так и в целом по тексту. В эру компьютерных технологий это легко сделать, автоматически выделив (опция: *Правка→Найти→Выделить ... в основном документе→Окрасить в цвет*) во всем тексте слово, которое при чтении встретилось более 3 раз. Те авторы, которым досталось от моего бесчинства, знают, что я окрашиваю такие повторы в желтый цвет. Сразу становится видно, где таких слов излишне много и обычно не по делу (в докомпьютерную эпоху, а иногда и сейчас при чтении версии на бумаге, использую фломастер). Когда-то редакторы издательства «Наука» рекомендовали — не более 3 повторов на одной странице (но, естественно, не в одном абзаце). В моей практике рекордом могу назвать пару случаев: 1) когда глагол *является* (без которого в большинстве случаев легко обойтись) на одной странице был повторен 26 раз, и 2) когда термин *местоположение* встретился (хотя и в большом тексте) 110 раз! Такой прием (выделение цветом) помогает видеть, где слово можно оставить, где достаточно просто убрать, а где необходимо заменить, подобрав синоним или близкий по смыслу термин. Если хоть на минуту об этом задуматься, то в подавляющем большинстве случа-

ев избавиться от бесконечных повторов не просто необходимо, но и легко. Это позволит не только сохранить мысль или информацию, но и сделать их более доступными для потенциального читателя.

Воспользуюсь случаем и приведу слова, которые обычно приходится убирать из-за их неоправданно частого применения: *встречается, преобладает, составляет, характерно, характерный, формируется, является*.

Возвратная форма глаголов с окончаниями «-ся» и «-сь». Это — бич научных статей, в которых постоянно такая форма: что-то *анализировалось, изучалось, использовалось, исследовалось, оценивалось, применялось, проводилось*. Уйти от этого и вернуться к нормальному русскому языку просто: в большинстве случаев достаточно убрать окончание, заменив его на *-и* (анализировали, изучали, использовали, исследовали), и почти всегда легко изменить (исследовано, проведено, оценено). Лучше (прочитав это письмо) избегать такой формы, а если совсем не получается (в последнем слове такая форма легализована правилами), то где-то можно (придется) оставить.

Страдательный залог.

Не легче и с такими формами как:

<i>нами</i>	<i>сделаны</i>	<i>расчеты</i>
<i>нами</i>	<i>было</i>	<i>описано</i>
<i>нами</i>	<i>были</i>	<i>повторены</i>
<i>нами</i>	<i>были</i>	<i>отобраны</i>

которые так легко заменить на;

<i>мы</i>	<i>рассчитали</i>
<i>мы</i>	<i>описали</i>
<i>мы</i>	<i>повторили</i> (или <i>сделали повторные ... описания</i>)
<i>мы</i>	<i>отобрали</i>

Кстати о **Мы**, которые уместны и не вызовут никаких нареканий (и просто замечаний), если авторов несколько, но смотрятся немного странно (*мы* согласны, *мы* полагаем, *мы* имеем ... и т. д.), когда автор один. Так и напрашивается известное: «Мы, Николай II», но что дозволено императору ... Из-за опасения показаться нескромным (но это — ложная скромность) нежелание использовать естественное *я*, может быть, и понятно — хотя чего ж уходить от личной ответственности, перекаладывая ее на плечи туманных *мы*, логичнее писать как есть. Варианты: можно изменить предложение так, чтобы не начинать его с *я*; нормально избрать безличную форму типа ... проведен расчет, образцы отобраны. Я стараюсь избегать и формально-бюрократического *Автор выражает благодарность*. Всегда можно сделать попытку искренне сказать спасибо тем, кто помог, не говоря о себе в третьем лице (боюсь, в этом мне не удастся вас убедить, дорогие будущие авторы, но вдруг!).

Антропоморфизмы (от греч. *anthropos* — человек и *morphe* — форма — наделение явлений неживой природы, ... а также животных, растений, ... и т. п. человеческими свойствами ...). Это уже не бич, а катастрофа в ботанических статьях. Чего только не «совершают» виды (*вторгаются, выпадают, выходят, господствуют, достигают, избегают, избирают, куда-то идут и откуда-то выходят, поднимаются, осваивают, предпочитают* и мн. др.). Не «отстают» от них и синтаксоны, кото-

рые тоже *выпадают, выходят, достигают, избегают, избирают, поднимаются, осваивают, предпочитают*, а еще *используют, просто тяготеют* или *испытывают тяготение*, а также *охватывают, отвечают, переходят* и даже *имеют обыкновение* ... И у тех и у других есть *поведение*! Иногда такие слова забраны в кавычки, чаще — нет. Убедена (и пробую убедить вас), что обо всем можно и нужно писать предельно точно, что там на самом деле с видами, сообществами, синтаксонами происходит: они есть, их нет, их мало, много, больше, меньше (в этих случаях неплохо бы еще и привести цифры), они присутствуют, отсутствуют, занимают площади и т. д.

Особо скажу о пресловутой *роли* (*сниженной, возрастающей, понижающейся, заметной, высокой, низкой, существенной или несущественной, значительной или незначительной, малой, большой*), которую *играют* разные виды (да еще не просто *роль*, а *активную* или *высокую*) или их группы, фракции флоры, сообщества и синтаксоны. Она *становится выше или ниже, больше или меньше, сильно варьирует* и т. д. Когда в 5 (!) строках написано «... *высока роль* кустарничков ..., *мала роль* тундр (в чем она?), *сниженная роль* кустарничков ..., *возрастающая роль* кустарничков ..., *заметную роль* играют ... мхи ..., *снижена роль* ... трав ...» — диву даешься, как можно такое написать и не осознать, что это — полный абсурд. Или вот такая *понижающаяся роль* в предложении: ... в ценозах *господствуют* мхи, *существенно ниже роль* трав, *еще ниже* — кустарничков, кустарничков и лишайников. Если кто-то захочет сравнить свои данные с теми, которые приводит автор, как это удастся сделать? Никакую *роль* никто-ничто (виды, синтаксоны) *не играют*. Все, что авторы могут и пишут на эту тему, если про виды, то это — число видов (много/мало), их проективное покрытие, обилие или встречаемость (высокие/низкие); если про сообщества, синтаксоны, то они — обычны, редки, постоянны, часты, занимают большие/малые площади, отсутствуют, присутствуют — при чем тут *играют роль*? Не отстают от геоботаников и флористы, у которых *роль* постоянно *играют* то семейства (в одной фразе: ... *высокая роль* семейств ..., которые *играют высокую роль* в спектрах ... семейств), то группы и фракции, то виды. Причем, иногда под *ролью* подразумевается число видов, а иногда — их обилие в покрове, правда никак не оцененное. Если не приведены цифры, то вся эта мифическая *роль* вообще ничего не стоит; если приведены, то уже легко обойтись и без *роли*. Если ничего, кроме данных о числе видов или их обилии/покрытии, вы не сообщаете и не обсуждаете, в чем же эта самая *роль* заключается (что-то на что-то влияет или что-то изменяет, причем установленное в вашем исследовании, а не вообще), то это — просто проходная фраза, заполняющая пространство, когда сказать нечего. Потому, давайте оставим *играть роли* представителям других профессий!

Все сказанное про *роль* можно отнести и к ... *имеют* какое-то значение — то про виды, то про сообщества, то про синтаксоны, и к тому, что они же в чем-то *принимают участие*. Все это — пустые слова, не имеющие никакого смысла. У видов высокое/низкое обилие/покрытие, хорошая/плохая жизненность и т. д. — ну какая там *роль*, какое

участие (... значительное участие имеет *Quercus robur* — о чем речь? у дуба высокая сомкнутость крон? так и надо написать).

Ничем не лучше и *характер*. Демонстрирую: сообщества *носят* зарослевый *характер* ...; показания ... *носят характер* ... линии; данные *носят характер* ... кривых; граница *носит характер*; статья ... *несёт* ярко выраженный *характер* ...; работы *носят характер* ...). Начну с того, что *носить* характер нельзя, его можно только *иметь* (носим шляпки, пиджаки; характер имеем или не имеем). Но хорошо бы просто избежать *характер* даже в сочетании с *имеют* (статьи *имеют характер* ... очерков; структура флоры ... *имеет характер*). Попробуйте и убедитесь — очень легко вообще не говорить о *характере* даже в таком контексте: *характер* структуры, найти *характер* отличий, *характер* границ, сообщества переходного *характера*, *характер* растительного покрова, *характер* распределения, *характер* процессов, ... *характер* грунтов (ну какой у грунтов *характер*? у них есть механический состав), и писать про то, что собственно и описываешь. А когда выделите слово *характер* во всем тексте, то увидите, что к нему подсоединится сонмище производных от этого корня — *характерно*, *характерный*, *характерен*, *характеристика* (и может возникнуть — и возник! — такой шедевр словесности, как ... *характер ... характеристики*) и уж совсем монстры типа *характеризуют* (особенно в такой комбинации, как ... *характеризуют наличие*) и *характеризуются* (... *характеризуются* значительным участием; тундры *характеризуются* выраженностью в ... условиях; выдел ... *характеризуется* ... высоким видовым богатством, а также высокой видовой насыщенностью; ... она *характеризуется* сложным геологическим строением), *характеризующие*, *охарактеризованные*. И текст (вместе с ролью и словами, о которых еще будет написано) станет разноцветным и ярким. Но это — тот, может быть, редкий случай, когда яркость лучше снизить. На самый крайний случай можно оставить 1 (один!) раз *роль* и 1 (один!) раз *характер*, но только, если кто-то его будет *иметь*, но ни в коем случае *носить*!

Ненужные словосочетания. Очень часто текст перегружен совершенно ненужными вводными словами, словосочетаниями и даже предложениями, которые никак не помогают повествованию, тем более чтению, а лишь удлиняют и без того, как правило, не слишком лаконичное изложение. А по смыслу, который они имеют в контексте конкретной работы, часто бывают неверны. Их используют, не задумываясь и не вдумываясь, и потому почти всегда их надо (и это легко сделать) просто убрать. И ничего (по сути дела) от этого не изменится.

Вот эти слова: *в одном случае* (если уж написали, проследите, чтобы что-то было сказано и про *другой случай*, то же — относительно *во-первых* — обязательно надо сообщить, что же *во-вторых*), *в отношении*, *в целом*, *весьма*, *вообще*, *вполне*, *гораздо*, *довольно*, *достаточно*, *конечно*, *однако*, *отметим*, *практически* (если уж очень хочется — то лучше... *почти*), *при помощи*, *при том*, *при этом*.

Вот словосочетания: *более того*, *в то же время*, *в той или иной степени*, *в целом необходимо отметить*, *в этом отношении*, *имеет место* (тем

более *имеет место быть*), *исходя из этого*, *как известно*, *кроме того*, *кроме этого*, *можно считать*, *можно отметить*, ... *отметим, что* ..., *необходимо отметить*, *несмотря на*, *обращает на себя внимание*, *представляет из себя* (лучше вообще как-то избежать первого слова, но если уж никак, то — *представляет собой*), *представляется возможным*, *при этом необходимо отметить*, *таким образом*, *тем не менее*. Предполагаю, что после озвучивания с приведенным перечнем может показаться, что это уж слишком — чем плохи эти слова и словосочетания? Они таки не плохи, но в большинстве случаев излишни. Пишите как пишется, а потом посмотрите, и увидите, что они ничего не добавляют, не проясняют, а нередко ставят в тупик: ну при чем тут *в то же время*, *кроме того* или *кроме этого*. В подавляющем большинстве случаев спокойно можно обойтись без ... *в пределах*, *в ее (их) пределах*. И завершающие фразы (да и разделы) совсем не обязательно начинать со стандартного *Таким образом* ... или в таком торжественном стиле как *Исходя из вышеизложенного* ... а иногда и еще сильнее — *В связи с вышеизложенным представляется возможным* ... Достаточно начать излагать итоги с красной строки.

Даже без перечисленных слов остается масса привычных (но от этого не становящихся хорошими) стандартных клише.

Более неопределенного слова, чем *определенный*, когда после него не следует пояснение, в чем же состоит эта самая определенность, наверное, найти трудно.

По поводу многократного использования слов *наблюдаются*, *отмечаются*, *отмечены* — почему бы сразу не писать, в чем там дело. Если мы что-то наблюдаем или отмечаем (например, в таком несуразном тексте как ... *в них отмечено произрастание*, когда так легко написать, что где-то что-то растет), значит, это явление в природе существует, и можно сразу описывать сам феномен (или процесс), а не сообщать, что мы это наблюдали. Ведь важно, что сообщества или виды есть, имеются или что-то в сообществах произошло и т. д., а не то, что эти факты или события были кем-то отмечены. Они существуют и без нашего наблюдения, а мы сообщаем о них после того как увидели. Но к чему это пояснение? Ведь очевидно, что пока никто не видел, то никто и не знает, что там и как.

Когда виды чего-то *достигают* (оптимума, покрытия и т. д.), то в чем они отличаются от тех, для которых скромно приведены соответствующие цифры? Да и когда цифры приведены — ... *моховой покров достигает 40 %* — замечание не снимается (ну хотя бы 100 % *достигли*, куда ни шло). Да и ассоциации, *достигающие оптимума*, — тоже вопрос, это про что?

Не лучше и просто несуразный в нашей специальной литературе глагол *насчитывают* (флоры, роды, семейства, сообщества, ассоциации) — когда надо сообщить о числе видов. Вошло в привычку, но привычка, скажем прямо, дурацкая. Ничто (ни флоры, ни сообщества) ничего не считает и не насчитывает (так легко написать, что ... в сообществе, на пробной площадке, во флоре, в роде ... столько-то видов; род, семейство ... включает ...). Просто необходимо это слово навсегда исключить из своего лексикона. Кстати, до 2006 г. сама так писала, но после замечания рецензента перестала.

Стандартом стало использование и слова *составляет*, когда речь идет о числе видов или их проективном покрытии (... число видов в сообществе *составляет*, ... проективное покрытие вида *составляет*), о чьих-то размерах (... площадь *составляла*), о каких-то значениях (... значения *составляли*). Когда короче, проще, да и правильнее, написать: в сообществе 15 видов, проективное покрытие такого-то мха 50 %, площадь равна ..., значения равны...; или еще проще использовать длинное тире.

В почти неизменном *полностью отсутствуют* ... — первое слово лишнее, поскольку отсутствовать можно только полностью (даже *почти* отсутствует — это уже присутствует).

Слово *преобладает*, без уточнения в цифрах, в чем это состоит, мало информативно. А от всем привычного *абсолютно преобладает* лично я отказалась после того, как на междисциплинарном совещании математик из зала (услышав, как я использую это словосочетание, говоря о проективном покрытии вида 80–90 %) скромно заметил, что абсолютно это — 100 %.

Ну, совершенно канцелярское слово *наличие* (например, в таком контексте ... *постоянно наличие* ... вида, когда так просто сказать, что вид постоянно присутствует) и тем более, когда что-то ... *характеризует* это самое *наличие*.

Когда в статье, попадающей мне на рецензию, читаю, что виды, сообщество ... *могут* встречаться, *могут быть* представлены ..., всегда интересуюсь, так они *могут* или уже встречаются, представлены? То же, если написано, что вид/сообщество встречается *обычно* или *чаще всего*, или *чаще всего доминирует* какой-то вид, то логично спросить — т. е. бывает и иначе? Тогда в каких случаях, почему?

А от такого модального глагола, как *должен* (*должна, должны*), лучше вообще отказаться, поскольку наши объекты ничего не *должны* ни своим собратьям по природе, ни нам.

Очень часто при описании ландшафта и его растительного покрова о разных их элементах (разных формах рельефа, степени увлажнения, типах сообществ и др.) пишут в прошедшем времени. Выглядит вроде бы правомерно, поскольку, когда автор это видел, это так и было, т. е. к моменту написания статьи все уже в прошлом. Но воспринимается странно. Уместно только, когда при повторном посещении того же самого места зафиксированы изменения (было—стало). Логичнее более или менее стабильные явления (если не известно, что они изменились) описывать в настоящем времени.

Представители — просто какая-то бюрократическая напасть в биологических текстах (у всех и всегда). Почему не писать по сути — не *представители* рода, а виды, таксоны ... Как-то раз в одном абзаце из 13 строк это слово-паразит было написано 10 (десять!) раз. Да еще там же они чего-то *представляли*, и по этому поводу у автора было *представление*. А когда *представители* еще и *имеют долю* (процент в каких-то спектрах) или того хуже *обладают долей* ...

Это все дежурные слова, от которых по возможности (и без особого труда) надо избавляться, потому что они провоцируют канцелярско-чиновничий стиль там, где можно и необходимо говорить языком науки.

Неоправданное усложнение текста. Нередко приходится огорчать авторов и писать, что объем статьи неоправданно преувеличен из-за многословности, излишних разъяснений, уточнений (часто в скобках повтор того же, но чуть иначе), неоднократного приведения разных синонимов каких-то терминов, многочисленных повторов не просто одних и тех же слов, но длинных словосочетаний, и вообще громоздких построений для высказывания простых мыслей и описания не самых сложных явлений.

Ну, например, зачем начинать повествование с предложения «то-то и то-то изложено в табл. №» или «показано на рис. №». Это ничего не дает по смыслу, а место занимает. Когда такой вариант изложения применен однажды, его можно и пропустить, но обычно это повторяется неоднократно. Проще и короче сразу излагать, что именно изложено в этой таблице, в этом рисунке, а в скобках поместить на них ссылку. Когда очевидно, что вы излагаете результаты своей работы, не обязательно бесконечно повторять ... *исследованных нами, проведенных нами, полученных нами* и т. п.

На ум просится крылатое выражение А. П. Чехова «Краткость сестра таланта». И хочется принять на вооружение такое правило: если текст можно сократить, его нужно сократить. В обсуждаемых выше случаях — точно. Суть почти любой длинной, перегруженной вставками и сложными словосочетаниями, фразы можно выразить вдвое, втрое короче — и выйдет живей и выразительней. А от ничем не объяснимого представления, что чем больше длинных, казенных слов, косвенных падежей, придаточных предложений, тем солиднее, — надо решительно избавляться. В самом начале моей научной карьеры первая статья, подготовленная для публикации в «Ботаническом журнале», оказалась несколько длиннее, чем это было строго оговорено в Правилах. И мой рецензент, Вера Даниловна Александрова, уже в те времена известный ученый-тундровед, сказала: «Наденька, хотите я так сокращу, что вы и не заметите». Естественно, я согласилась и увидела, как можно чуть ли не на треть сократить текст, убрав только всевозможные длинноты, повторы, излишние детали, и без ущерба сохранить его суть.

Есть и другое замечательное суждение (не припомню чье), что о сложных вещах хотя и трудно, но можно написать (рассказать) просто, но о простых вещах делать так необходимо. В наших статьях о растительности мы пишем, в общем, об очень простых явлениях (когда не углубляемся в дебри эволюции, зонального деления, районирования, да и то ...), и потому, если можно сказать короче и проще, зачем от этого отказываться? Тем более, что за редким исключением, излишне и неоправданно длинный текст — результат необоснованно сложного описания простых явлений и процессов (что-то чем-то *характеризуется* или *представляет собой, предопределяет* и т. д.). Старая редакторская байка (слышала ее от Генри Григорьевича Левина в его бытность редактором «Ботанического журнала»): *растения произвели завядание* — вместо такого естественного «растения завяли». Вот и у авторов нашего (да и не только) журнала: *произошло повреждение покрова*, когда покров был поврежден, *произошло увеличение* числа видов, когда оно просто увеличилось.

Лакоичность речи, умение четко выразить самую сущность. Обо всем можно написать без использования страдательного залога (не кем-то сделано, а кто и что сделал). Лучше, а главное легко, обойтись без столь сложных построений, как то:

- ... достигаются наиболее высокие показатели видовой насыщенности;
- ... отличает высокое постоянство;
- ... сообщества ... отличаются низкой видовой насыщенностью и невысоким общим проективным покрытием;
- ... экотопы отличаются ... набором видов
- ... борт речной долины представляет собой ... обрывы;
- ... вид ... характеризуется значительным участием;
- ... в растительном покрове ... преобладает ... элемент флоры ...;
- ... кустарниковый ярус относительно развит, его составляет довольно богатый набор видов;
- ... способность группы ... господствовать в пределах флоры ...;
- ... фрагменты ... растительности отличаются присутствием ряда ... видов и ... флористическим и фитоценологическим разнообразием ...;
- ... выдел имеет довольно высокое видовое богатство и являет собой местообитание ...;
- ... в геоморфологическом отношении район представляет собой волнистую равнину;
- слово значение периодически (и явно излишне) приставлено к таким показателям как встречаемость, проективное покрытие, постоянство, видовое богатство;
- хорошо бы обойтись без таких монстров, как распространенность, дифференцированность, встречающиеся случаи;
- виды все-таки присутствуют, встречаются, даже отмечены не в описаниях а в сообществах, и не синтаксон, ассоциация ... приурочены, встречаемые, а сообщества синтаксона.

Еще **не самые удачные формы изложения**, которые используют, не слишком задумываясь и, точно, не вдумываясь:

- склоны ... заселяют тундры, днища ... заселены сообществами, растительность заселяет ... склоны, сообщества произрастают ...; заселяют и произрастают все-таки растения, а сообщества, ими слагаемые, занимают какое-то пространство, где-то располагаются;
- сообщества представляют собой ... леса;
- показатель видового богатства (=число видов);
- зачем писать травянистый элемент, когда имеются в виду травы;
- да и ярус, покров не травянистый, а травяной;
- что подразумевается в словосочетаниях самостоятельные дерновинки, самостоятельные ассоциации?
- площадки ... приуроченные к сообществам ...;
- исходные геоботанические описания ... (а какие еще могут быть).

Когда читаешь ... вид выступает в роли доминанта ... или чуть проще ... выступает доминантом, а иногда еще не выступает, но может выступать доминантом ... так и хочется сказать: не

старайтесь писать «красиво», ведь вид всего-навсего доминирует. Пусть в каких угодно ролях на театральном подмостках выступают наши любимые артисты.

Этот канцелярско-бюрократический, чиновничий стиль почти полвека (в 1962 г.) назад Корней Чуковский (цит. по: 1966)¹ в замечательной книге «Живой как жизнь» буквально припечатал убийственным названием «канцелярит» в главе, которая так и называлась «Канцелярит». Вот только некоторые его характеристики:

- сложный и запутанный строй фразы;
- обилие придаточных предложений и сложных словосочетаний (для них даже есть специальный термин — плеоназмы), которые можно заменить простыми словами;
- длинные цепи существительных в одном и том же (чаще всего в родительном) падеже;
- замена глаголов причастиями, деепричастиями;
- использование глаголов в пассивной форме и вытеснение активных оборотов пассивными, всегда более тяжелыми;
- расщепление сказуемого (это вот, когда ... нами было сделано столько-то описаний ... вместо ... мы сделали);
- предпочтение длинного слова — короткому, официального или книжного — разговорному, сложного — простому, штампа — живому образу;
- неоправданное использование иностранных слов (типа *ветланды* в наших текстах).

Не правда ли, очень напоминает то, о чем вы только что прочитали? Это ведь только кажется, что чем больше длинных, казенных слов, косвенных падежей, придаточных предложений, тем солиднее смотрится текст. Увы, это не так. И научный язык отличается от канцелярита так же, как наука от наукообразия.

Корней Ивановича беспокоило, что этот убогий стиль проникает не только в публицистику, но и в художественную и детскую литературу. Беспокойство, что такой опасности подвергается научная литература, высказали с интервалом почти в полвека крупнейшие российские географы-ландшафтоведы С. В. Калесник (1958)² и А. Г. Исаченко (2009)³. С грустью приходится признать, что и 50 лет назад «стандартный научно-канцелярский слог, делающий изложение серым и убогим» (Калесник, с. 267), был обычен в научных статьях. Чего стоят те образчики из авторских текстов, которые приводит С. В. Калесник: ... *облачность составляет 117–125 дней: ... горные породы имеют развитие; ... имеют место следующие формы рельефа; ... сложные котловины ... не находят себе места; ... берега являются возвышенными* (вместо: берега возвышены); *в этой связи* (вместо: в связи с этим); *играет большое значение, принимают участие, пользуются распространением*. А про такие слова (которые упомянуты и в этом письме), как

¹ Чуковский К. И. 1966. Живой как жизнь // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. С. 7–236.

² Калесник С. В. 1958. О языке научных работ // Изв. ВГО. Т. 90. Вып. 3. С. 265–268.

³ Исаченко А. Г. 2009. О языке научных работ в области географии // Изв. РГО. Т. 141. Вып. 1. С. 3–8.

являются, представляют, развиты, имеют место, он же образно сказал, что это — костыли, при помощи которых ковыляют в науку труды многих научных сотрудников. По мнению обоих ученых, важнейшее требование к стилю научного произведения — простота и ясность изложения. И каждый автор должен стремиться к тому, чтобы его понимали коллеги по профессии. Беда же огромного числа научных текстов — скудность словарного запаса, неправильное использование слов, неумение строить фразы, частое повторение абсолютно ненужных слов, тяжеловесность стиля, шаблоны, засорение текста новоизобретенными терминами и замысловатыми словесными конструкциями. Научной литературе не противопоказаны образность и живость изложения; эпитеты, метафоры и сравнения, если применять их в разумных (!) дозах, уместны и в научных публикациях. Однако слова-паразиты, или «костыли», о которых идет речь, образности никак не способствуют. В обеих статьях еще много поучительного и интересного (по поводу терминологического словотворчества, слишком частой смены терминов, необоснованного использования англоязычных слов). Очень советую их почитать. Завершу это отступление словами С. В. Калесника, обращенными к авторам в конце его статьи: «Через статью или книгу автор обращается к тысячам людей, которые судят о нем на основании не только того, что он пишет, но и как он пишет. От последнего во многом зависит и продвижение всякой научной идеи. Если о ней сказано понятно — для ее шестивия открываются прямые и широкие дороги ..., если коряво или заумно — она ползет по извилистым тропинкам ... Следовательно, автор должен быть кровно заинтересован и в полноценности содержания своего произведения, и в наилучшей форме его изложения».

Возвращаюсь к нашим проблемам. Из-за многословности, многочисленных повторов не просто одним и тех же слов, но и длинных словосочетаний, и всех остальных прелестей канцелярита текст бывает рыхлым, плохо читаемым, а объем статьи неоправданно большим. Наше издание — научное, статью будут читать не дилетанты, а профессионалы. Им не надо по несколько раз приводить разное толкование терминов, разъяснять и уточнять детали, расшифровывать не требующие этого характеристики ландшафта, покрова, единиц растительности и др. Простое редактирование (освобождение от повторов, излишеств, слов-паразитов, т. е. лаконичность изложения) дает сокращение текста на треть. Мой редакторский опыт сжатия (без всякого ущерба содержанию) с 8–10 строк до 4 и с 22 до 13.

Имеет смысл заострить внимание на специфике нашего журнала, где преобладают статьи по классификации растительности. Обязательное требование при описании нового синтаксона — дать его диагноз.

Статус диагноза предполагает строгое описание с максимально возможной количественной оценкой всех параметров объекта, что обуславливает лаконичное изложение текста, без простран-

ных отступлений и разного рода разъяснений, которые в одних диагнозах присутствуют, в других нет. Диагноз синтаксона — это не тот случай, где уместен (или ожидаем) литературный изыск. И не требуется во избежание повторов бесконечно варьировать словосочетания в диагнозах разных синтаксонов — когда речь идет об одном и том же. Вот как бывает написано (даже в одной статье!) про общее проективное покрытие в диагнозах разных синтаксонов:

общее проективное покрытие	общее проективное покрытие растительности
проективное покрытие	проективное покрытие растительности
общее покрытие	общее покрытие растительности
сомкнутость растительности	покрытие растительности
сомкнутость	сомкнутость покрова

А вот что бывает, когда надо сказать, сколько видов встречается в сообществе:

число видов	видовой состав
количество видов	разнообразие видов
численность видов	видовое разнообразие
список видов	значение видового разнообразия
богатство видов	видовое богатство
ценофлора	флористическое разнообразие
видовое насыщение	в видовом отношении

Почему в одном случае пишут так, в другом иначе, в третьем ... понять сложно, не говоря уж о том, что какие-то из этих терминов неприемлемы. Количество — уместно для объектов, которые нельзя сосчитать, поэтому про виды — только число видов, и никак не количество. Численность — это не просто число видов, но и какое-то их количественное воплощение в покрове. Слово разнообразие в последнее время используют, где и как попало. Если все же относиться к нему как к термину, то понятие разнообразие (в том числе и видовое, а тем более биоразнообразие) — шире, чем просто число видов, а уж применительно к пробной площадке вообще претенциозно. Диагноз синтаксона — не та ситуация, когда аналогичные вещи надо описывать каждый раз другими словами. В данном эпизоде надо четко писать о числе видов (в сообществе, в ассоциации), что, кстати, очень облегчает текст, потому что так будет и проще, и короче.

А вот какая фантазия, когда надо перечислить характерные виды:

- В группу характерных видов входят ...
- В состав группы характерных видов входят...
- Группа характерных видов включает ...
- Группа характерных видов представлена ...
- Группа характерных видов состоит из ...
- Группу характерных видов составляют ...
- Группу характерных видов образуют ...

Точность, а не неопределенность. Основные величины, которыми мы оперируем в статьях по классификации растительности — это число видов, их проективное покрытие (в %), обилие (в баллах), встречаемость (не частота встречаемости!). Даже, когда обошлось без приведенных выше слов-паразитов (*роль, значение, характер*), нередко остается неясность, когда написано: много-мало (видов), мало-высоко обилие/

покрытие или они «аномально» высокие или низкие, высокая-низкая (встречаемость). Если не приведены цифры, то это ни о чем не говорит, если приведены — то эти слова излишни и даже могут быть некорректными, поскольку одну и ту же величину (например 50 % покрытия) можно считать и низкой (к примеру, в степи или на лугу), и высокой (в пустынях, что в жарких, что в холодных).

Если по конкретному виду в вашей статье вы не излагаете результаты специальных исследований, зачем писать про низкую или высокую *конкурентоспособность*. И еще что-то про *адаптацию*. Повторю, если вы специально не занимались этими сложнейшими явлениями и не получили данные, что-то подтверждающие, опровергающие, расширяющие представление о ..., то это — общие слова. Если вы нашли вид, значит он *адаптирован* к данным условиям (в том числе и на краю ареала) и был *успешен в конкуренции* с другими. Использование терминов *конкуренция* и *адаптация* — из расхожих штампов, за которыми, когда ни данных, ни необходимости в данном контексте для них нет, ничего не стоит. И выглядят они инородными телами, вставленными, чтобы написать что-нибудь «этакое».

При сравнениях, когда обсуждают пространственные различия, не корректны такие глаголы, как *замещается, становится, выпадает, вытесняет, происходит уменьшение или увеличение* и т. п., поскольку такая оценка всегда зависит от вектора (например, с юга на север, из долины в гору, с южного склона на северный и т. д. или наоборот). Это хоть как-то уместно, если непосредственно во фразе сказано ... на градиенте от ... до ... происходит ... Если этого нет, то никакого варианта, кроме того, что здесь видов, сообществ много, там мало, там они есть, здесь нет (никаких *возникают, выпадают, появляются*, потому что в описываемом месте они не *появились* (тем более не *вторглись*) и не *исчезли* (тем более не *выпали*). Они есть или их нет. Особенно важно избегать этих слов (и еще добавлю *появились, доминирование переходит, покрытие стало больше* и т. д.) в диагнозе, где необходима информация обо всех свойствах синтаксона, чтобы его можно было читать и все понять вне связи с остальными, приведенными в данной статье. Диагноз (как форма) потому и является диагнозом, что в нем всю информацию об объекте надо приводить в констатирующей форме. В таком контексте вы описываете явление, а не процесс. Нужно констатировать, что есть и сколько, помня, что читателю может быть интересен какой-то один конкретный синтаксон, с которым он собирается сравнить свой. Только при изменении в тексте порядка расположения диагнозов такие характеристики пришлось бы изменить на противоположные.

Нередко такие слова, как *снижение, понижение, повышение, усиление*, используют без разъяснения, что собственно за этим стоит, особенно в сочетании с выше раскрытыми словами *роль, участие, значение* (вот как в таком фрагменте: *в результате экотонного положения возрастает роль видов, характерных для ...*). Все эти слова уместны, когда оцениваются временные изменения в одном месте. Тогда можно написать даже «выпали», например, когда покров был физически уничтожен в результате смыва водой, оползня и т. д.

При перечислении латинских названий видов, если не оговорен какой-то порядок, лучше приводить их по алфавиту. При любом другом решении должна просматриваться (а лучше быть объявлена) логика: по обилию, по жизненным формам, по ярусам и т. д., исходя из принципа, что логика нужна во всем. Хоть какая-то, кроме той, что автор об этом просто не думал.

Несколько примеров специфических терминологических ситуаций. Первый — мой привет коллегам по работе на Крайнем Севере. Многократно пробовала убедить, почему не просто плохо, а нельзя писать *ивняковые* заросли. По логике нашего языка ивняк это — заросли (скопления, сообщества) ивы. По аналогии: ельник, березняк, дубняк, сосняк это — заросли (скопления, сообщества) соответственно ели, березы, дуба, сосны. И никому в голову не приходит (по крайней мере мне не встречалось) назвать последние, как лес *ельниковый, березняковый, дубняковый, сосняковый*. Только для бедных ив делают такое неправомочное исключение: *ивняковые* заросли, *ивняково-моховые* тундры. И уж тем более неприемлемо такое образование в составе названия сообщества, как *ивняково-*. По правилам русского языка ивнячок это — маленький (ну, крошечный) по площади ивняк, а не заросли таких маленьких (по размеру) ив, как низкорослые кустарничковые ивы, особенно совсем прижатые к земле *Salix nummularia, S. polaris, S. rotundifolia*. Поэтому нужно писать: ивовые заросли, сообщества и т. д., а не *ивняковые, заросли ивняков* и *ивняково-какие-то* тундры. А слово *ивнячок* не использовать ни в каком виде! С какой-то натяжкой, когда речь идет о маленьких ивах, писать хотя бы *ивково-*, хотя это тоже неверно (но у северных геоботаников вошло в привычку наравне с *ивняково-*). Для названий сообществ мы берем родовые названия, от корня которых и образуем нужные конструкции. Но ведь рода *ивка* нет!

Второй из той же области — правильное образование наименований сообществ из русского написания названий родов (а не из латинского). Пример, опять же по северной тематике: поскольку по-русски род называется *кассиопея*, то и сообщества — не *кассиопово-*, а *кассиопеево-*.

До сих пор при описании горизонтальной структуры тундровых сообществ говорят и пишут ... *бугорковатый* нанорельеф, хотя правильно *бугорковый*, потому как суффикс *-оват-* образует прилагательные со значением: имеющий некоторое свойство или оттенок чего-то (например, цвет еще не розовый, а *розоватый*, не красный, а *красноватый*).

Внимательно нужно оперировать со словами, подаваемыми как термины, для которых не дано четкого определения. Например, такие слова, как *луговины, лужайки, лугово-тундры*, — понятны только авторам, но разные авторы вкладывают в них различный смысл: для одних лугovina — просто маленький луг, для других — только нивальные травяные сообщества; что такое лужайка — наверное, тоже маленький луг? Если речь идет о сообществах с доминированием трав, то может так и писать — травяные, разнотравные. Или вот еще: *моховины* — это что? В чем отличие от моховой дернины?

Одновременно необходимо строже относиться к словам, которые уже задействованы как

устоявшиеся термины, потому не годится: *куст* остролодочника или *кусты* щучки.

Еще тема — использование для природных феноменов местных названий, заимствованных из языков, говоров, наречий народов, проживающих на территории, где мы что-то изучаем. Такой пример: днища осушенных (спущенных) мелких термокарстовых озер на Европейском Севере и севере Западной Сибири — *хасыреи*, в Якутии — *аласы*. А если работу читают геоботаники, работающие в других зонах? Какие-то местные названия прочно вошли в научный обиход как устойчивые термины, например, северный термин для специфического бугристого рельефа мерзлотного происхождения — *байджарахи* (якутск.), которые только так и называют. У других, например, *булгуннях* (тоже мерзлотная форма рельефа) есть и научное название — гидролакколит, а в английском языке — *ringo*. Работающим в Арктике это пояснять не надо, но наш журнал Арктикой не ограничен. То же можно сказать и про местные названия разных природных объектов из других районов. Приходят на ум *едома* (элемент рельефа субарктических равнин Восточной Сибири — небольшие возвышенности, содержащие погребённый ископаемый лёд, и она же в бассейне р. Печоры — лесная глушь) и *арена* (песчаные массивы речных террас в Ростовской обл., может и еще где-то) и образованные от нее *аренные* леса. Такие термины при первом упоминании нужно расшифровывать.

Уместно заметить, что по поводу устоявшихся, общепризнанных терминов замечаний не возникает. Но нередко авторы подменяют термины **научным жаргоном**, уместным в разговорном жанре между специалистами, но как минимум требующим элементарного разъяснения в письменном варианте.

Аббревиатуры и сокращения. Аббревиатуры (образование из начальных частей или букв двух и более слов) в наших работах уместны, когда длинное (более двух слов) словосочетание приходится повторить в тексте несколько раз. Обращение с ними стандартно: при первом упоминании длинного названия его надо давать полностью, сразу в скобках писать аббревиатуру заглавными буквами, и далее использовать только её. Если в тексте такая ситуация (с длинным названием) возникает однажды, то и аббревиатура не нужна. Этот прием уместен для многословных именных названий институтов, заповедников, фондов (Ботанический институт им. В. Л. Комарова Российской академии наук = БИН). Исключение наш журнал делает только в отношении устоявшихся аббревиатур некоторых уважаемых научных фондов и программ, которые можно не расшифровывать (РФФИ, БР, но не ЖП!). Хотя, на мой взгляд, и такие исключения не оправданны.

Появились и устойчивые аббревиатуры для некоторых (хорошо, что их немного) геоботанических терминов (общее проективное покрытие = ОПП; особо охраняемая природная территория = ООПТ). Замечательно, что этот подход не пытались распространять на другие часто используемые словосочетания (например, число видов — было бы ЧВ!). В геоботанические работы потихоньку проникают аббревиатуры, внедряемые флористами. Когда в одном абзаце, а иногда и во фразе, написано *КФ*, *ЛФ*, *ПФ* да еще и вместе с *РФ* или вот

такая шарада — ... *очень узкое ТП в пределах СЗВЕ* имеет *СК*, а ... *ТфП СК* характеризуется *несколько более значительной ролью* ... по сравнению с их ролью в *ТфП УК* (намеренно не расшифровываю), то даже если в начале статьи однажды сказано, что эти буквы обозначают, читателю трудно все время держать их в голове. Это мешает чтению и восприятию текста, зато позволяет авторам многократно (и далеко не всегда оправданно) повторять одни и те же аббревиатуры на небольшом пространстве, т. е. не слишком заботиться о построении предложений таким образом, чтобы не было частого повторения одних и тех же слов. Такого рода аббревиатуры удобны только самим авторам. Да и без сокращения двухсловных сочетаний, право, можно обойтись.

Пока не очень часты, но потихоньку появляются сокращения слов и терминов, типа д. в. (диагностические виды), х. в. (характерный вид), что лично я не приветствую. Не настолько этот прием сокращает текст (чего можно легко добиться, убрав массу совершенно ненужных слов), чтобы создавать подобный прецедент. Но в любом случае такие сокращения необходимо расшифровывать либо при первом упоминании, либо выносить в особую строку в конце аннотации (там, где ключевые слова и номенклатура). Уместны сокращения только в таблицах при непременно их разъяснении в Примечании. Пока этот феномен не набрал силы, и в статьях наших авторов не было попыток написать *в.* вместо *виды* и *р.* вместо *растения* (в рецензиях в другие журналы пару раз сделать замечания по этому поводу приходилось). А в одном автореферате довелось увидеть вот такое — *ж.* растения (уж сколько автор сэкономил места ..., при том, что эта комбинация в тексте была повторена только трижды).

Без разъяснений в наших статьях возможны только стандартные сокращения, небольшая часть которых приведена в «Правилах для авторов» (которые, увы, кажется, никто не читает). О тех, которые приходится править наиболее часто, скажу и здесь: река → *р.* в единственном числе, но: реки — во множественном; так же: ручей → *руч.*, *ручьи*; озеро → *оз.*, озера; город → *г.*, города; поселок → *пос.*, поселки; село → *с.*, сёла; деревня → *д.*, деревни; область → *обл.*, области; хребет → *хр.*, хребты. Но сокращаем только перед именем собственным (с заглавной буквы)!

Не сокращаем слова: гора, окрестности, сопка, хутор, становище.

В стандартных словосочетаниях, что-то сокращаем (так далее → *т. д.*; то есть → *т. е.*; и другие → *и др.*; тому подобное → *т. п.*; многое другое → *мн. др.*), что-то пишем полностью (так как, в том числе, более или менее, таким образом).

Год и годы сокращаем — 1999 г., 1950–1970 гг.

Стандартные сокращения (без точки) и только при цифрах: м, км, м², км², га; без цифр — полностью (метры и километры, квадратные метры и километры, гектары).

Перед именем собственным слова *остров*, *полуостров* сокращаем соответственно до *о-в* (*о-в* Колгуев) и *п-ов* (*п-ов* Ямал), и не сокращаем, если речь идет о нескольких островах или полуостровах. Слово *полуостров* в постпозиции (после названия) пишем полностью: Кольский полуостров, Чукотский полуостров, Югорский полуостров.

Когда в статье неоднократно приведены высоты над уровнем моря, то, чтобы избежать повторов и разночтения, целесообразно при первом упоминании сделать сноску: Здесь и далее все высоты над ур. м. После этого везде при цифре можно писать простое «м» (без точки).

Географические названия. В научных статьях уместны официальные названия, которые можно узнать из специализированных словарей и карт. За редким исключением возможно использование устоявшегося разговорного названия, отличающегося от словарного. Но тогда во всей статье придется придерживаться этого избранного наименования. Нельзя, чтобы на одной странице были *Крым*, *Крымский полуостров* и *полуостров Крыма*, в крайнем случае, только 2 первые (третье название неверное). То же про *горы Крыма* и *Крымские горы* (правильно последнее). Хоть *Тиман* и короче, но все-таки это *Тиманский кряж* (!), а потому не *Сред. Тиман*, а средняя часть *Тиманского кряжа*. Хотя *Канадский архипелаг* короче, но правильно *Канадский арктический архипелаг*. Не *Каспий*, а *Каспийское море*! И *Ладогу*, вместо Ладожского озера, не принимаем (а милое сердцу петербуржцев-ленинградцев слово *Ладога* оставляем для песни: «Эх, Ладога, родная Ладога ...»).

Хотя какие-то устоявшие исключения можно (?) принять: например, крупные полуострова — Камчатка, Таймыр, Ямал — обычно пишут так, а иногда с прибавлением п-ов. Тут главное — не варьировать в одной статье, тем более на одной странице (тогда и редактор не обратит внимание). Названия островов лучше все же предварять сокращением о-в. Разве что в виде исключения не писать его для Гренландии. Особый случай — Шпицберген, это название относится ко всему архипелагу, а самый большой остров его называется Западный Шпицберген. Но в подавляющем большинстве пишут Шпицберген, подразумевая не архипелаг, а один из его островов. Этот перечень можно продолжать бесконечно, каждый что-то вспомнит из собственной практики и, надеюсь, учтет на будущее.

Несколько слов о сокращениях географических названий. Лучше все же не сокращать первое слово в 2-словных названиях, особенно материков (Северная Америка, Южная Америка). И части материков тоже имеют официальные географические названия, например, Африка — материк, его части: Южная, Северная, Центральная, которые тоже надо писать с заглавной буквы и полностью. Да и в остальных случаях тоже, поскольку нет общепринятых правил для сокращений. Вот и появляется такой разноречивый как Поляр. и Приполяр., Сред. и Средн. Урал. Все есть в географических энциклопедиях, словарях и на картах, следуя которым надо все писать полностью с заглавной буквы: Урал — Полярный, Приполярный, Северный, Средний, Южный.

Мелкие «блохи». Хорошо бы, написав статью, прежде чем отправить ее в редакцию, все-таки внимательно прочитать «Правила для авторов», которые приведены в каждом номере журнала. И убедиться, что соблюдены хотя бы чисто технические требования (которые приходится «вылавливать» редакторам). Обычны и массовы такие мелкие погрешности в оформлении статьи:

- лишние пробелы или их отсутствие там, где надо (в инициалах после точки и вообще после любого знака препинания);

- в десятичных дробях — ставим точки, не запяты;е;
- различаем дефис «-» и тире «—»; в страницах в списке литературы только тире «—» и то же тире при обозначении пределов (метров, градусов и т. д.): 2–3 м, а не 2-3 м, и не 2—3 м;
- если в десятичных дробях хотя бы одно значение дается после запятой в 2 знаках, то, увы, и второе тоже надо давать до второго знака — нельзя 2.25–2.3, приходится 2.25–2.30, и то же 1.0–1.5 а не 1–1.5;
- то же про метры и сантиметры: либо 30 см, либо 0.3 м — т. е. надо избрать какую-то единую шкалу;
- все цифры пишем цифрами, а не словами; слова можно оставить в редких исключениях;
- про близкие повторы одних и тех же слов было сказано.

Приближаясь к **завершению** моего открытого письма, скажу о некоторых моментах, которые можно обозначить как этические взаимоотношения между авторами, рецензентами и редакторами. Все слова и словосочетания, которые, по моему мнению, никак не украшают научный текст, в этом письме выделены курсивом. Все, что я, так или иначе, обсуждала и комментировала, не придумано, а извлечено из отзывов и отредактированных текстов статей. Кто-то из авторов увидит, что эти огрехи были в его (ее, их) статье, которую мне довелось рецензировать или редактировать. Поспешу утешить: не думайте, что вы были уникальны. Все без исключения примеры, которые здесь приведены, это — почти стандарт, штамп. И кстати, в тех статьях, что попали мне на растерзание, их в опубликованном тексте не осталось.

Крайне редко (но несколько раз было) рассерженный автор высказывался по поводу «естественного» повтора слов, специального текста и особенностей индивидуального стиля. На это скажу так. Когда у автора есть свой стиль (а не просто неяркость в изложении), когда автор поработал с текстом, и тот стал действительно продуманным и выверенным, такого числа замечаний ни у рецензентов, ни у редакторов никогда не возникает, хотя совсем без правки ни одна статья не обходится. И еще про стиль. Когда это действительно стиль, то даже, если он мне не нравится, я его не правлю, разве что посмотрю на предмет опечаток и знаков препинания. Увы, могу припомнить всего 1–2 таких случая. Зато как приятно получить от автора, по тексту которого прокатился каток редактора, такие слова: «... так с моими статьями еще никто не работал, ... но результат мне понравился».

По поводу возможных возражений по каким-то конкретным примерам, которые я здесь привела. Готова обсудить любые, и приму любой аргумент, кроме одного: «все так пишут». Увы, так-таки действительно пишут все. И даже говорят. Канцелярско-бюрократический стиль речи, заполнивший государственные каналы телевидения, которым грешат даже популярные телеведущие, чиновничий язык потока официальных бумаг, обрушивающийся на наши головы во все увеличивающемся потоке распоряжений, требований, перешел в повседневную практику в наших ответах на эти запросы, в отчеты о нашей деятельности. Этому надо сопротивляться, а для начала хотя бы осознать, что

это уже проникает и в научные статьи, которые буквально заполнены штампами, не несущими ни мысли, ни информации.

Как очень негативное явление отмечу возрастающее обилие формализованных фраз, слов и словосочетаний, пришедших в тексты научных статей из заявок и отчетов по разным грантам и программам, когда пишущие их авторы не слишком задумываются о реальном смысле используемых слов. Иногда видно, что практически не адаптированный к публикации в научном журнале текст отчета механически перенесен в статью, читать которую не только трудно, но отнимает громадное время у редакторов нашего журнала. То есть, не слишком утруждая себя работой с текстом, авторы надеются на редактирование (именно на редактирование, а не рецензирование узких профессионалов, которые делают замечания только по существу).

Могу с сожалением констатировать, что пишут сейчас почти все (за редчайшим исключением) плохо. И отнюдь не потому, что вот мол «не дано». Нет, совсем нет. А только потому, что после того, как статья написана, никто не берет на себя труд отложить ее хоть ненадолго, а потом посмотреть на нее глазами не только узкого профессионала (что, впрочем, тоже не лишнее, как минимум надо бы сверить все цифры в тексте и таблицах), но и с позиций простой грамматики, синтаксиса, хорошего литературного языка, уважения к будущему читателю, не обязательно ближайшего коллеги по профессии. Поработав в свое время с великолепными редакторами, я многому у них научилась, и свою работу со статьями стараюсь завершать именно так. Но когда современные редакторы, даже на последнем этапе, находят в них ляпы, пропуски, повторы, неточности, противоречия и т. д., то ничего, кроме благодарности с моей стороны, это не вызывает.

Мне посчастливилось работать с 3 редакторами издательства «Наука» в разном качестве — сначала секретаря, потом ответственного редактора нескольких сборников и, наконец, автора монографии. Это были — Мария Александровна Белкина, Светлана Михайловна Лукомская, Елена Антоновна Чекулаева. У всех за плечами были биолого-почвенный или географический факультеты Ленинградского государственного университета. После того, как они избрали для себя путь научного редактирования, они получили и специальное образование. Работать с ними было легко, полезно и поучительно. Довольно быстро у нас выработался такой стиль рабочих взаимоотношений. Если редактор сделал замечание, есть 3 варианта здоровой на них реакции. Первый — принять правку, предложенную редактором. Второй — согласиться, что да, не очень хорошо, но исправить по-своему. Третий — объяснить редактору, что он чего-то не понял; в таком случае можно оставить, как было, но лучше что-то изменить или привести соответствующее пояснение, поскольку на пустом месте у грамотного редактора замечания не возникают.

Увы, редакторов, каковыми в тепер уже столь отдаленное время были профессионалы ленинградского отделения издательства «Наука», не

осталось. В подавляющем большинстве изданий эту ношу вынужденно взвалили на себя немногие энтузиасты, которым, во-первых, не хватает опыта и специализированных знаний; во-вторых, они делают это, как говорят, на общественных началах, затрачивая время, которое могли бы потратить на сочинение собственных статей. Исчезла, как явление, и работа корректоров, о которой многие никогда не слышали и не подозревают, в чем она заключалась (откройте любое доперестроечное научное издание на последней странице и посмотрите, сколько разных профессионалов отвечало за его публикацию).

Все высказанные в этом письме замечания относятся к форме подачи материалов, а не к сути работы. Но! — плохая первая может очень затруднить оценку хорошей второй. Бывает досадно видеть, что материал собран большой, обработан хорошо, а написано обо всем тем самым канцеляритом: *что-то играет роль, что-то имеет значение, все носят характер, они же представляют из себя и выступают в роли, куда-то идут, иногда вторгаются, чего-то достигают, чего-то избегают, все являются представителями, которые ко всему адаптированы.* Это, конечно, шутка, но очень близкая к реальности. Если после того, как в готовом (с вашей точки зрения) тексте вы высветите, а затем и избавитесь от всего этого мусора, в статье останутся только цифры — это повод задуматься. А потом и подумать, чем же содержательным заполнить образовавшееся пространство. Успехов!

* * *

P. S. Надеюсь, мне удалось, чтобы это послание не было менторско-назидательным. Редактированием я занимаюсь по обстоятельствам. Мои профессиональные интересы те же, что и у вас. Чем лучше вы будете писать ваши статьи, тем больше времени у меня останется на свои.

*Ваш редактор,
Н. В. Матвеева.*

Получено 1 апреля 2016 г.

SUMMARY

An attempt has been made to draw the attention of the authors of the journal "Vegetation of Russia" on the style of scientific papers, which suffers from numerous inaccuracies (frequent recurrence of words; unreasoned use of reflexive verbs, passive forms, anthropomorphisms, words-parasites; unnecessary complication of the text; uncertainty of argumentation; cumbersome constructions to express simple ideas; and many others). The author expresses her deep assurance that it is necessary and possible to write the scientific papers by using both the scientific and good literary languages. Numerous examples of bad writing style (in Russian) are given.